

И. П. МЕДВЕДЕВ
ИЗ ИСТОРИИ МИСТРЫ

Поздневизантийский город Мистра привлекает внимание исследователей главным образом как один из крупнейших центров поздневизантийской архитектуры и искусства. Вполне соглашаясь с мнением, что «с интеллектуальной и художественной точки зрения столица Пелопоннеса представляет для историков византийской цивилизации особый интерес»¹, мы считаем, что социально-политические и особенно экономические стороны истории этого города остаются совершенно незаслуженно забытыми. Изучение их дало бы богатый материал для решения проблем, связанных с историей поздневизантийского города вообще.

Настоящая работа посвящена рассмотрению сохранившихся и не ставших еще предметом специального исследования сведений об интересных событиях, происшедших в Мистре в начале XV в. в связи с продажей города родосскому ордену госпитальеров. Эти данные содержатся в Большой хронике Сфрандзи², в Истории Халкокондила³, в надгробной речи императора Мануила II Палеолога по случаю смерти его брата, деспота Феодора⁴, в эпистолярных источниках⁵ и в некоторых документах⁶.

Возникший в 1249 г.⁷ в результате военно-колониционной политики крестоносцев новый город Мистра располагался на одном из отрогов Тайгета, высившегося у самого входа в Лангаду⁸. По этому рассекающему Тайгет ущелью, соединяющему Лаконику с Мессенией, воинственные и непокорные горные племена могли делать массовые набеги на долины. Мистра находится в 5 милях от Спарты, жители которой (вернее, жители византийской Лакедемонии, поскольку античной Спарты уже давно не существовало) переселились в укрепленную Мистру⁹, и по-следняя, таким образом, стала рассматриваться как преемница этого знаменитого античного города¹⁰. С переходом в 1261 г. в руки византий-

¹ D. Zakythinos. De despotat grec de Morée. I. Paris, 1932, p. 7.

² Georgius Phrantzes. Annales. Bonnae, 1838 (далее — Phrantzes). Мы здесь не затрагиваем вопроса об авторе этого произведения.

³ Laonici Chalcocondylae Historiarum libri decem. Bonnae, 1843 (далее — Chalco.).

⁴ Manuelis Palaeologi Theodori despotae Laudatio funebris. — PG, t. 156, col. 181—308.

⁵⁻⁶ Нам пока удалось лишь частично de visu ознакомиться с такого рода источниками. Некоторые данные, содержащиеся в них, известны по работам исследователей (см. J. Berger de Xivrey. Mémoire sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue. Paris, 1853; Delaville-le-Roulx. Les Hospitaliers à Rhodes. Paris, 1913, etc.).

⁷ M. Sotiriou. Mistra. Une ville byzantine morte. Athènes, 1935, p. 5.

⁸ Ф. И. Шмитт. Памятники Мистры. — ЖМНП, 1911, май, стр. 252.

⁹ Le Livre de la Conquête de la principée de la Morée, éd. J.-A. Buchon. Paris, 1845, p. 189; The Chronicle of Morea, ed. J. Schmitt. London, 1904, vers. 5606—5607.

¹⁰ Переход жителей городов в более безопасные, укрепленные места вообще характерен для средневековья (см. об этом второй раздел доклада: E. Kirsten.

ского правительства¹¹ Мистра превращается в плацдарм для отвоевания Пелопоннеса от латинян и начинает быстро разрастаться, а с образованием в 1348 г. деспотата¹², столицей которого она стала, Мистра приобретает значение важного политического центра. Так, если уже на первых порах Мистра привлекает внимание хрониста, как блестящий замок и большая крепость¹³, то перед захватом ее турками в 1460 г. она характеризуется Халкокондиллом как «богатый эллинский город»¹⁴.

Расцвет Мистры приходится на конец XIV—начало XV в. Грегориус и Щтрук полагали, что «Мизитра... затмила в эту эпоху как Фессалонику, так и Афины»¹⁵. Значение Мистры как экономического центра определялось тем, что она была столицей княжества с административной автономией, ставшего фактически самостоятельным государственным образованием¹⁶. Она потребляла продукты производства подвластной ей страны или превращала их в товары, реализации которых на рынках способствовала близость двух венецианских гаваней — Корона и Модона. Среди разнообразных продуктов сельскохозяйственного производства и текстильной промышленности, проходивших через эти порты, о которых сообщает флорентийский купец Франческо Бальдуччи Пеголотти¹⁷, некоторую долю должны были составлять товары деспотата. Известно, что в Корон и Модон ездили евреи из еврейского квартала Мистры, занимавшиеся изготовлением тканей¹⁸. В свою очередь, Мистра получала через эти порты необходимые ей товары. Например, когда в 1388 г. возник конфликт деспота Мистры Феодора I с Венецией по поводу Аргоса, венецианское правительство применило к нему экономические санкции, отказав в продаже железа из Корона и Модона для нужд деспотата¹⁹.

В самой Мистре жизнь была чрезвычайно оживленной. Активизация деятельности церкви выразилась в усиленном строительстве церквей и монастырей, и хотя культовое зодчество всегда было ведущим в Византии, в Мистре имел место широкий размах строительства вообще. На протяжении небольшого периода времени было возведено около двух тысяч построек, многие из которых являются уникальными произведениями поздневизантийской архитектуры и искусства. Все это позволяет предполагать наличие в Мистре значительного числа строительных рабочих,

Die byzantinische Stadt. — «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress». München, 1958). У византийцев не было сомнения в преемственности Мистры от древней Спарты. Во многих нарративных и документальных источниках Мистра выступает под именем Спарты, а ее жители — под именем спартиатов. Впрочем, в некоторых источниках и в исторической литературе Мистра упоминается под именем Мизитры (об этом см. J.-A. Buchon. La Grèce continental et la Morée. Paris, 1843, p. 430; F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter, I. Stuttgart, 1889, S. 385 и др.).

¹¹ W. Miller. The Latins in the Levant. London, 1908, p. 100.

¹² D. Zakythinou. Le despotat grec de Morée, I, p. 94.

¹³ The Chronicle of Morea, vers. 2991.

¹⁴ Chalco., p. 473.

¹⁵ F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen..., II. Stuttgart, 1889, S. 281; A. Struck. Mistra, eine mittelalterliche Ruinenstadt. Wien und Leipzig, 1910, S. 53.

¹⁶ Если даже юридически оно и не было организовано в форме деспотата, как это убедительно показал Б. Ферьянчич (см. Б. Ферьянчич. Деспоти у Византии и южнословенским землями. Београд, 1960, стр. 105—140).

¹⁷ F. Pegolotti. La Pratica della Mercatura, ed. A. Evans. Cambridge (Mass.), 1936, p. 145.

¹⁸ D. Zakythinou. Le despotat grec de Morée, II. Athènes, 1953, p. 43. Этот квартал находился вне крепостной стены города. Когда-то эта еврейская колония была изгнана из Спарты известным церковным деятелем Никоном (ibid., II, p. 42).

¹⁹ Ibid., I, p. 134.

которые в совокупности с ремесленниками и торговцами могли составлять основную массу населения Мистры.

Верхушка городского общества состояла из феодальной знати, которую привлекал город — место пребывания правителя Пелопоннеса, принадлежавшего к царствующей династии. При дворе деспотов в Мистре собирались крупнейшие деятели империи, «целяда администраторов и дипломатов, выдающихся ученых, престиж которых перешел границы греческого мира»²⁰. Здесь провел свои последние годы и скончался Иоанн Кантакузин²¹, здесь немного позднее Георгий Гемист Плифон создал последнюю в средние века крупную неоплатоническую философскую школу, здесь начал свою деятельность Виссарийон Никейский и т. д. Мистра превратилась в настоящую интеллектуальную столицу, столицу ученых.

Однако именно на рубеже XIV и XV вв. Мистра переживала один из самых мрачных периодов своей истории. Для второй половины XIV в. характерно быстрое распространение турецкой экспансии. С восшествием на престол султана Баязида большая часть европейских владений агонирующей Византийской империи оказалась в руках турок. Стремясь лишить деспота Мистры возможности оказать помощь осажденному Константинополю²², Баязид отправил в 1397 г.²³ в Пелопоннес войско (50- или 56-тысячное, по данным Сфрандзи²⁴, и 60-тысячное, по данным Chronicon breve²⁵, под начальством Якуб-паши и Эвренос-бея)²⁶. Волна турецкого нашествия захлестнула полуостров. «И по дороге в Пелопоннес и внутри его [турки] сеяли много зла и ужаса, убивая захваченных в плен христиан», рассказывает Сфрандзи²⁷. Напрасно деспот Мистры посылал Димитрия Софианоса за помощью в Венецию. Сенат отклонил все просьбы, предпочитая не вмешиваться в это опасное предприятие²⁸. Ожидать поддержки со стороны своих вассалов

²⁰ D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, II, p. 320.

²¹ Βραχέα χρονικά, έκδ. Σπ. Λάμπρου. Ἀθήναις, 1932, σελ. 89.

²² Chalc., p. 97.

²³ Chronicon breve. Bonnae, 1834, p. 516. У Сфрандзи приводится неверная дата этого события — 1405 г. (Phrantzes, p. 62). В действительности Баязида в это время уже не было в живых. Ангорская битва произошла, как известно, 28 июля 1402 г. Текст Сфрандзи вызывает сомнения: глава XV заканчивается описанием возвращения Мануила из поездки по Западной Европе якобы в 1405 г. (αυτῆ), хотя на самом деле он вернулся в Константинополь в 1403 г. [см. А. А. Васильев. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399—1403 гг.). СПб., 1912, стр. 83]. XVI глава сочинения Сфрандзи начинается так: «В том же году (ἐν τούτῳ τῷ ἔτει) эмир Баязид послал в Пелопоннес...» и т. д. (Phrantzes, p. 62). Приходится предположить: 1) или глава XVI находится не на месте, 2) или (что наиболее вероятно) это является своеобразным стилистическим приемом автора: он описывает полностью путешествие Мануила по Европе, а новую главу относит к какому-то более раннему событию, очевидно, описанному в конце XIV главы. Эта глава заканчивается тем, что Баязид в 1392 г.

Σ) осадил Константинополь. Дата также неверна, потому что осада Константинополя началась через год после битвы при Никополе, которая, как известно, произошла в 1396 г. Может быть, при переписке выпало ξ? Повторяя в другом месте рассказ о походе Якуб-паши в Пелопоннес, Сфрандзи говорит, что разгром Аргоса имел место в 1395 г., 5-го индикта (ἐν ἔτει Σ) γ' ἰνδίκτιωνος ε'). Эта новая дата (1395 г.) не совпадает с названной, а само летосчисление с 5-м индиктом. По Грюмелю, 5-й индикт соответствует 6905, т. е. 1397 г. (V. Grumel. La Chronologie. Paris, 1958, p. 262). Как видим, это подтверждает данные Chronicon breve.

²⁴ Phrantzes, p. 62, 83.

²⁵ Chronicon breve, p. 516.

²⁶ Phrantzes, p. 62.

²⁷ Ibid., p. 63.

²⁸ D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, I, p. 156.

деспоту не приходилось. Централизаторская политика Феодора I Палеолога по отношению к местным пелопоннесским архонтам и крупным сеньорам Морей вызывала к нему ненависть этих последних, из которых самым главным врагом Феодора был Павел Мамон, правитель Монемвасии. Сфрандзи говорит, что «по повелению императора он получил [в управление] область [принадлежавшую его] отцу (τὴν διοίκησιν τὴν τοῦ πατρὸς. . . πρὸς τῆς τοῦ βασιλέως διδόμεναι), но из-за продолжительности времени, найдя это поводом, стал превращать город в собственное владение»²⁹. Яркий пример того, как пожалование превращается в вотчину! Понимая это и стремясь сокрушить могущество противника, Феодор уже в начале своего правления (в 1384 г.) сделал попытку уступить Монемвасию венецианцам³⁰, и хотя это ему не удавалось, он после длительной борьбы захватил город, а имущество Мамона конфисковал³¹. Однако вмешательство султана Баязида свело на нет его успех: Монемвасия с ее окрестностями была занята турками³². В подобных же отношениях находился деспот и с другими сеньорами. В донесении кастелянов Модона и Корона Антонио Бембо и Марино Каравелло дожу Венеции от 1 апреля 1397 г. говорится, между прочим, что «деспот ненавидим всеми своими»³³.

Итак, Феодор должен был один встречать врага. Якуб-паша осадил Аргос³⁴. После долгого сопротивления³⁵ город был взят, а стены его разрушены. Около 30 тысяч захваченных в плен жителей были увезены в Малую Азию и превращены в эпиков³⁶. Город обезлюдел. Одновременно Эвренос-бей ворвался во внутренние владения деспота и опустошил всю территорию вплоть до окрестных поселений Корона и Модона³⁷. В битве, происшедшей 21 июня близ Леонтариона, войска Феодора были разбиты³⁸. Хотя после разорения страны турки удалились обратно, «дела греков оказались в критическом положении»³⁹. Эта трудная ситуация, страх перед новым нападением турок, длительная болезнь деспота Феодора привели к тому, что последний, призванный в Пелопоннес, по словам его брата императора Мануила II, с миссией «рассеять ужасы совершившегося, как луч рассеивает туман»⁴⁰, не мог сделать ничего другого, как продать свои владения в Пелопоннесе родосским рыцарям ордена госпитальеров (иоаннитов). Интересно, что незадолго до этого император Мануил II по пути в Западную Европу посетил Мистру, оставив у Феодора императрицу с двумя детьми⁴¹. Вероятно, решение о продаже деспотата не было самоличным решением деспота, а было согласовано с императором, к которому до его отъезда из Константинополя орден посылал своего представителя Рено Жиресма^{41а}. Не было ли это решение связано с путешествием императора на Запад? Известно, что папство всячески поддерживало стремление госпитальеров утвердиться на Пелопоннесе. В этом смысле продажа деспотата ордену

²⁹ Phrantzes, p. 57.

³⁰ D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, I, p. 125.

³¹ Ibid., I, p. 128.

³² Ibidem.

³³ Ibid., I, p. 130.

³⁴ Chalc., p. 97.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Phrantzes, p. 83.

³⁷ Chalc., p. 97.

³⁸ Chronicon breve, p. 517.

³⁹ Chalc., p. 97.

⁴⁰ PG, t. 156, col. 205C.

⁴¹ Ducae Historia byzantina. Bonnae, 1834, p. 29 D; 30 A.

^{41а} Delaville-le-Roulx. Les Hospitaliers. . . , p. 279.

могла рассматриваться как своего рода маневр для того, чтобы повлиять на результаты переговоров императора о помощи против турок.

Как бы то ни было, но давние попытки госпитальеров воспользоваться трудностями греков увенчались успехом. Весной 1400 г. в их руки перешел Коринф, вслед за этим Калаврита и, наконец, Мистра⁴². Источники по-разному освещают акт продажи. Сфрандзи утверждает, что Феодор отплыл на триере на Родос⁴³, и эта версия принимается большинством историков⁴⁴. Однако в надгробной речи Мануила говорится следующее: «Он [Феодор] призывает родосцев к себе, говорит об их желании и, сделав после вступления небольшую паузу, объявляет о своем решении. С радостью выслушав, они сразу отправляются на совещание, а закончив, как на крыльях, возвращаются в свои владения и сообщают о совершенном своим начальником. Затем, погрузившись на большие суда, они поспешно прибывают в Пелопоннес»⁴⁵.

В другом месте Мануил рассказывает, что деспот, вернувшийся впоследствии из Монеувасии в Мистру, убеждал греков и родосцев, владеющих некоторыми городами в Пелопоннесе, не враждовать между собой⁴⁶. Нам кажется, что отъезд Феодора на Родос и в Монеувасию — два разные по времени события. Феодор находился в Мистре, когда заключил с уполномоченными ордена⁴⁷ договор о продаже Коринфа. Это подтверждается тем, что, узнав о случившемся, встревоженный Баязид послал из Азии к деспоту в Мистру посольство, предлагая расторгнуть договор с родосцами и заключить мир с турками⁴⁸.

Договор с турецкими послами был заключен⁴⁹, но деспот, «видя, что дела ромеев находятся в таком плачевном состоянии, что город в это время подвергается опасности быть изолированным и испытать великий голод, подобно тому как это было во время пелопонесской войны, что никто из христианских властителей не пожелал прийти им на помощь, совершенно растерявшись, переправился на триере на о. Родос и продал владение Спартой братству пророка и крестителя Иоанна»⁵⁰, т. е. ордену госпитальеров. В Монеувасию он приехал, очевидно, позднее, когда

⁴² В *Codice diplomatico* ордена госпитальеров имеется документ о продаже Феодором Порфирородным греческого деспотата и коринфского кастанельства (*Codice diplomatico del sacro militare ordine Gerosolimitano*, t. II. Lucca, 1737, p. 110—114). Он датируется 6 апреля 1404 г. (*datum Rodi, die sexta mensis aprilis, anno incarnationis Domini 1404*). Видимо, документ относится к заключительному акту всех этих событий, когда договор между деспотом и орденом был аннулирован и первый после долгих проволочек (R. A. Vertot. *Histoire des chevaliers hospitaliers de St. Jean de Jérusalem*, t. II. Paris, 1779, p. 273) смог, наконец, вернуть деньги (*nobis integraliter satisfecit*, говорится в документе, причем не указывается никакой суммы. Вообще документ составлен в самых общих выражениях). Это соображение подтверждается тем, что документ констатирует продажу всего деспотата, в то время как отдельные части его были проданы в разное время. Возвращение Коринфа в руки греков в 1404 г. подтверждается данными *Chronicon breve* (p. 517).

⁴³ Phrantzes, p. 63.

⁴⁴ I. Bosio. *Dell'istoria della sacra religione*. Roma, 1594 p. 109; F. Gregorovius. *Geschichte der Stadt Athen...*, II, S. 262; R. A. Vertot. *Histoire...*, p. 271; W. Miller. *The Latins in the Levant*, p. 368 etc.

⁴⁵ PG, t. 156, col. 263 C.

⁴⁶ *Ibid.*, col. 269 B.

⁴⁷ Вероятно, это были те пять полномочных представителей Ордена: Паламед Джованни, Доминик Германский, Готье Грендон, Жерар Фужероль и Раймон де Лескор, которые были посланы к Феодору в феврале 1400 г. магистром ордена Филибером де Нальяком (*Delaville-le-Roulx. Les Hospitaliers...*, p. 278).

⁴⁸ PG, t. 156, col. 256 C.

⁴⁹ *Ibidem.*

⁵⁰ Phrantzes, p. 63.

узнал о разгроме турок под Ангорой, и решил вернуться в столицу деспотата. Это соображение позволяет нам установить дату событий, о которых мы собираемся рассказывать: они произошли в период между весной 1400 г. (когда Коринф был продан и перешел к госпитальерам) и 28 июля 1402 г. (когда произошла Ангорская битва). Из указанного промежутка нужно вычесть время, пока до Баязида дошло известие о продаже Коринфа и он послал в Мистру посольство для заключения договора с деспотом. Вслед за этим, как уже сказано, деспот отправился на Родос. Таким образом, события практически могли произойти незадолго до Ангорской битвы.

Что же произошло? «Когда молва распространилась повсюду, — говорит Мануил в своей надгробной речи, — из-за незнания дела [поползли] враждебные речи и слухи, что, мол, правда умышленно скрыта»⁵¹. Несмотря на всю неопределенность, такое заявление в устах императора весьма многозначительно. Соглашение с иоаннитами было совершенно втайне от народа. Правительство, видимо, предчувствовало, какое оно вызовет негодование. Дальнейший ход событий подтвердил справедливость этих опасений. «Узнав о том, что они преданы своим правителем и под влиянием архиепископа Спарты, спартиаты, собравшись вместе, договорились, что никому из назареев⁵² не позволят войти в город, а также дали слово, что вытерпят все, что бы ни случилось, но не покорятся латинянам-назареем»⁵³. Таким образом, здесь подчеркивается, что действия населения Мистры были инспирированы архиепископом.

Неизвестно, пользовался ли Бозио какими-либо дополнительными источниками или следовал только Халкокондилу, но он сообщает еще некоторые подробности: «Епископ Спарты греческого происхождения, главный враг латинян, — говорит он, — ... созвал народ на собрание (*Chianò il Popolo a parlamento*) и, известив о случившемся, убедил его, что лучше страдать и переносить всякие бедствия, нежели попасть под власть латинян, о которых он отзывался так плохо, что народ постановил отказаться от подчинения ордену и не допустить ни одного латинянина к власти над Спартой и над своей страной»⁵⁴. Это народное собрание состоялось, очевидно, на большой площади перед дворцом деспота, единственной, которая существовала в городе и в его предместьях и была его центром⁵⁵.

Видная роль высшего духовенства в городском самоуправлении проявлялась в Византии с самых ранних времен, поэтому такое вмешательство архиепископа Мистры в дела города понятно. Верто высказывает верное суждение: мотивами деятельности архиепископа, разумеется, были его приверженность православию и боязнь, что его место будет занято латинским католическим епископом⁵⁶. Кроме того, он знал настроение народа, его враждебное отношение к представителям латинского католического Запада. Характеризуя поведение народа, Мануил II говорит: «Если даже и казалось, что некоторые не повинуются и вводят новшества, то побуждало их к этому не что иное, как полное отвращение к чужестранцам и любовь к их спасителю и господину»⁵⁷. Дальнейшие события покажут, что «любовь» народа к деспоту была не так уж сильна,

⁵¹ PG, t. 156, p. 253 D.

⁵² Т. е. госпитальеров.

⁵³ Chalco., p. 97.

⁵⁴ I. Bosio. Dell'istoria della sacra religione, p. 109.

⁵⁵ D. Zakythinous. Le despotat grec de Morée, II, p. 171; M. Sotiriou. Mistra, p. 58—59.

⁵⁶ R. A. Vertot. Histoire... , p. 272.

⁵⁷ PG, t. 156, col. 253 D.

но важно свидетельство Мануила об «отвращении» народа к этим «чужестранцам», «чужакам», к этим ἄλλοτρίοι. Архиепископ не мог ошибиться в своих расчетах на поддержку населения.

Дальше события развертывались следующим образом: «Когда братство [т. е. орден. — *И. М.*], — говорит Сфрандзи, — послало некоторых из крестоносцев в Спарту, чтобы они, став господами и повелителями, приняли власть, народ, увидевший их и узнавший о случившемся, вооружился кольями и камнями и с гневом бросился, чтобы убить их»⁵⁸. Является ли это продолжением событий, описанных Халкокондилом? Сфрандзи ничего не говорит о том, что народ был в какой-то мере организован и что решение о сопротивлении крестоносцам было принято. Наоборот, в его изложении действия населения представляются вспыхнувшими стихийно, под впечатлением ошеломляющей новости.

Из каких слоев населения состоял этот возмущившийся народ? Каково было отношение феодальной и чиновничьей знати ко всем этим событиям? Конечно, термины δῆμος и λαός, которые использует Сфрандзи для обозначения народа, потеряли уже в поздневизантийское время значение соответственно более организованного народа и плебса. Но упоминается, что народ был вооружен кольями и камнями. Поэтому непосредственное участие знати в этих событиях, на наш взгляд, исключается. Но упоминание исследователями слова «чернь» (Röbel, la populace, по терминологии Штрука и Закифиноса)⁵⁹ также не определяет состава возмущившегося народа. Вероятно все-таки, что λαός и δῆμος в данном случае — это многочисленные торгово-ремесленные слои населения Мистры, составлявшие паству местного архиепископа и поддерживавшие его.

Штрук полагает, что в Мистре имели место даже «кровавопролитные столкновения»⁶⁰, но в наших источниках мы не нашли таких подробностей. Наоборот, «местный архиерей, выйдя вперед и произнеся увещевания, чтобы не случилось какого-нибудь беспорядка, устыдил народ, и тот, повиновавшись его словам, дал крестоносцам три дня, чтобы они с миром удалились за пределы Спарты»⁶¹. Ожесточение, правда, было велико, потому что, несмотря на повинование архиепископу, народ угрожал крестоносцам, что «если они поступят иначе, то увидят сами» (εἰ δὲ ἄλλως πράξωσιν, αὐτοὶ ὄψονται)⁶², т. е. с ними обойдутся круто. У Халкокондила тоже есть сообщение о том, что, когда крестоносцы появились в Мистре, народ потребовал быстрее их ухода, чтобы с ними не поступили как с врагами⁶³. Крестоносцы, «увидев, что они ничего не достигли, что шум и возмущение возрастали и что их жизни все более угрожала опасность, подгоняемые [страхом] повернули домой»⁶⁴. Отряд рыцарей был, вероятно, не особенно значителен. Однако уступчивость с их стороны объясняется не столько этим обстоятельством, сколько сознанием безнадежности предприятия в целом, о чем они и сообщили магистру ордена⁶⁵.

После этого жители Мистры «постановили, чтобы их епископ был также и дукой, и пожелали, чтобы он управлял ими и судил их как

⁵⁸ Phrantzes, p. 63.

⁵⁹ A. Struck. Mistra, S. 53; D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, I, p. 159.

⁶⁰ A. Struck. Mistra, S. 53.

⁶¹ Phrantzes, p. 63.

⁶² Ibidem.

⁶³ Chalc., p. 98.

⁶⁴ Phrantzes, p. 63.

⁶⁵ Chalc., p. 98.

гражданский и церковный глава»⁶⁶. Таким образом, архиепископ получил прерогативы верховной светской власти, но если на Западе духовный князь — епископ, единолично правивший городом, явление обычное, то в Византии, насколько нам известно, до тех пор такого прецедента не было. Правда, и здесь, как уже отмечалось, архиепископ часто являлся настоящим хозяином города, но даже в более ранние времена, в условиях существования института *defensores civitatum*, представитель церкви не подменял светской власти. Более того, широкое вмешательство в дела города часто приводило его к столкновению с представителем светской власти^{66а}.

Разгром турок под Ангорой изменил положение дел. Благодаря счастливой случайности и в Пелопоннесе несколько нормализовалась политическая обстановка: опасность нового турецкого вторжения была на время ликвидирована. Поэтому Феодор, оценив обстановку, «выплатил обратно деньги»⁶⁷, которые взял у братства (ордена), и пожелал вернуться в Спарту и снова взять себе власть»⁶⁸. Сфрандзи объясняет это тем, что Феодор «увидел обманутые надежды»⁶⁹. Но вряд ли он и желал, чтобы эти «надежды» сбылись: ведь продажа была вынужденной, и как только необходимость в этой мере исчезла, он сразу же стал стремиться восстановить *status quo*.

Сведения о возвращении деспота в Мистру весьма интересны. Верто считает, что Феодор Палеолог был с большой радостью принят своими подданными, которые уверили его, что он найдет в своих владениях то же повиновение и ту же преданность, что и в течение многих лет⁷⁰. Очевидно, он следует версии Мануила II, который, стремясь изгладить из памяти граждан Мистры еще совсем свежие и будоражащие умы воспоминания об этом событии, объяснял его, между прочим, «любовью» народа к своему «спасителю и господину»⁷¹, и что, понимая это, «брат [деспот] ни на кого не разгневался, будучи кроток, а ошибавшимся и просившим прощения сразу же дал его, потому что был человеколюбив»⁷².

Но существуют более беспристрастные и более достоверные сведения о возвращении Феодора Палеолога в Мистру. Во-первых, совершенно ясно, что, понимая все значение случившегося, он не решился сразу вернуться в Мистру, а провел своего рода рекогносцировку. Он послал

⁶⁶ Phrantzes, p. 64.

^{66а} А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917, стр. 81.

⁶⁷ Сумма, которую предстояло выплатить деспоту, была, очевидно, значительной, поскольку продал он Мистру, по словам Халкокондила (р. 97), «за какие-то большие деньги», а Бозио уточняет, что деспот «получил плату... частью наличными деньгами и частью различными драгоценностями» (I. Bosio. Dell'istoria della sacra religione, p. 109). Он вернул только часть денег, и ордену потребовалось приложить немало усилий, чтобы получить остальное. Послам магистра пришлось по этому поводу несколько раз ездить в Морею. По окончательному договору орден возвращал деспоту Коринф, а тот в обмен должен был дать ему в той же провинции графство Салону, помимо 46 500 дукатов, из которых он уже уплатил 22 тысячи наличными (R. A. Vertot. Histoire..., p. 273—274). Ф. И. Успенский говорит, что Мануил II, возвращаясь из поездки по Западной Европе, по пути восстановил Феодора Палеолога в Мистре, выкупив собранными на Западе деньгами города Мореи у родосских рыцарей (Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 759). Вероятно, это так и было, но проверить, какими источниками пользовался Ф. И. Успенский, мы пока не в состоянии.

⁶⁸ Phrantzes, p. 64.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ R. A. Vertot. Histoire..., p. 273.

⁷¹ PG, t. 156, col. 253 D.

⁷² Ibid., col. 253 D, 256 A.

в Мистру посольство, чтобы узнать, примет ли его народ, если он снова вернется⁷³. Но, как сообщает Сфрандзи, «народ не пожелал принять, а дерзко и сильно разбил его»⁷⁴. Неизвестно, чем кончилось бы дело, если бы не вмешался архиепископ Мистры, который «своим посредничеством положил конец всем многочисленным словам и возмущениям»⁷⁵ и после длительных увещеваний добился того, чтобы жители «снова приняли и восстановили его [деспота. — И. М.] в тех же правах, что и прежде»⁷⁶. Однако перед тем, как принять Феодора Палеолога, народ заставил его торжественно поклясться никогда больше не прибегать к подобным сделкам⁷⁷ и объявить амнистию участникам событий⁷⁸. Условия, на которых народ Мистры принял деспота, были, таким образом, для последнего довольно унизительны. Судя по одному из писем императора Мануила II⁷⁹, ему пришлось самому приложить немало труда, чтобы примирить разгневанный народ с вернувшимся деспотом.

Однако примирение было, очевидно, весьма относительным. Антагонизм продолжал существовать, и когда через несколько лет Мануил II снова посетил Мистру (на сей раз чтобы похоронить своего брата, умершего в 1407 г.⁸⁰), он нашел умы еще слишком взволнованными этим воспоминанием⁸¹.

Многое остается неясным во всех этих событиях, происшедших в Мистре, а следовательно, и в оценке его современными исследователями. В кратких упоминаниях, встречающихся в исторической литературе, эти события характеризуются как народное восстание⁸². Думается, что это несколько преувеличено. Немногочисленные источники рисуют происшедшее как эпизод из политической истории Мистры. В значительной степени эти события, очевидно, и были такими. Чрезвычайно сложная обстановка вынудила деспота (вероятно, с одобрения центрального правительства) пойти на крайние меры. Продавая Мистру ордену госпитальеров, он надеялся, что рыцари защитят ее как свой тыл. Если наше предположение верно, эта продажа могла рассматриваться как аванс для обеспечения успеха поправки Мануила по Западной Европе. Разумеется, известную роль в решении деспота могли играть соображения личной безопасности. Еще в 1394 г., заключая с Венецией Модонский договор, деспот добился принятия статьи, предоставляющей ему, его жене и родственникам убежище на венецианских землях в случае крайней необходимости⁸³.

Но ограничиваться только этими выводами было бы неверно. При более внимательном рассмотрении описываемые события могут быть поняты как естественное следствие тех процессов, которые происходили в Визан-

⁷³ Chalc., p. 98.

⁷⁴ Phrantzes, p. 64.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Chalc., p. 98.

⁷⁸ Phrantzes, p. 64.

⁷⁹ Письмо 51-е к архиепископу Евгению. См. Berger de Xivrey. Mémoire..., p. 147. Известно, что вторую половину апреля и весь май 1403 г. император находился в Мистре (см. А. А. Васильев. Путешествие..., стр. 80). Причинами такой задержки могло быть стремление урегулировать конфликт и помочь деспоту рассчитаться с госпитальерами.

⁸⁰ Berger de Xivrey. Mémoire..., p. 147.

⁸¹ Ibidem.

⁸² A. A. Vasiliev. History of the Byzantine Empire, II. Madison, 1929, p. 335; W. Miller. The Latins in the Levant, p. 369; F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen..., II, p. 276; D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, I, p. 159; II, p. 95 sq.

⁸³ D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, I, p. 138.

тии на протяжении всего XIV столетия. Мы имеем в виду безудержный рост монастырей и их владений. Конечно, по сравнению с Фессалоникой, в которой насчитывалось 19 крупных монастырей и которую монахи Афона рассматривали в качестве столицы своей республики⁸⁴, Мистра представляла собой более скромный монашеский центр; но и здесь существовало семь крупных церквей и монастырей, множество мелких монастырьков-монидрионов и просто часовен⁸⁵. Если попытаться локализовать известные нам по хрисовулам и епископальным актам⁸⁶ владения только двух монастырей (Митрополии и Бронтохиона), то можно видеть, что они разбросаны в самых различных местах Пелопоннеса, а в окрестностях Мистры образуются целые комплексы с вкраплением в них владений деспота⁸⁷, придворной знати и стратиотов.

Исследователи, как правило, ограничиваются лишь констатацией этого роста монастырей и их владений, не пытаясь поставить его в связь с таким явлением в общественной жизни Византии, как исихастское движение. А ведь именно это воинствующее мистическое течение, приобретшее к тому же в описываемый период ярко выраженный политический оттенок, было заинтересовано в материальных возможностях для реализации своих планов. Обращает на себя внимание настойчивость, с которой монашество требует от правительства все новых и новых владений. Сторонник Паламы и активный участник исихастского движения Исидор говорит: «Мы, монахи, что-нибудь претерпев, не переносим спокойно обиды, а перетряхиваем все сверху донизу; чтобы овладеть большим имуществом, мы обращаемся то к императорскому двору, то на рынок и, подобно морским волнам, всегда находимся в движении»⁸⁸. В Мистре эту миссию начал энергично осуществлять архимандрит и протосинкелл Пахомий, а из продолжателей надо в первую очередь отметить представителей знаменитой фамилии Кантакузинов во главе с экс-императором Иоанном VI. Публикация И. Мейендорфа, И. Даррузе⁸⁹ и других позволяют подробнее познакомиться с энергичной деятельностью Кантакузина в период после его отречения. Оплотом этой деятельности среди других центров стала и Мистра. Он организовал здесь целую школу переписчиков во главе с Мануилом Цикандилисом, распространяя в большом количестве как свои сочинения, пропагандирующие учение Григория Паламы, так и произведения самого Паламы⁹⁰. Поддержку в этом он находил у своего сына Мануила, деспота Мистры, которому за его деятельность

⁸⁴ O. Tafrali. *Thessalonique au XIV^e siècle*. Paris, 1913, p. 94.

⁸⁵ R. Hauschild. *Mistra — die Faustburg Goethes*. Berlin, 1963, S. 7—9.

⁸⁶ G. Millet. *Les inscriptions byzantines de Mistra*. — BCH, XXIII, 1899, p. 97—154.

⁸⁷ О них можно составить представление из речи деспота Константина Палеолога по случаю передачи Мистры и личных владений деспота Сфрандзи (см. Phrantzes, p. 200).

⁸⁸ Цит. по кн.: O. Tafrali. *Thessalonique*. . . , p. 27, n. 1.

⁸⁹ J. Meuschen. *Projets de concile oecumenique en 1367. Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul*. — DOP, XIV, 1960; J. Darrouès. *Lettre inédite de Jean Cantacuzène relative à la controverse palamite*. — REB, XVII, 1959.

⁹⁰ Так, приехав в Мистру осенью 1359 г. со всей своей семьей и окружением, Кантакузин оставался в ней больше года (см. J. Dräseke. *Zu Johannes Kantakuzenos*. — BZ, IX, 1900, S. 76), а в очередной приезд в 1369 г. он с помощью Мануила Цикандилиса распространял свое богословское полемическое сочинение, направленное против осужденного собором 1368 г. Прохора Кидониса. Кроме того, Мануилом Цикандилисом в Мистре была проведена большая работа по сбору и переписке гомилий Григория Паламы (см. J. Meuschen. *Introduction à l'étude de Grégoire Palamas*. Paris, 1959, p. 331) и других его произведений. Например, греческая рукопись 1711 г. Ватикана, также принадлежащая руке Цикандилиса, включает все «Триады» и два трактата Паламы и тоже, вероятно, происходит из Мистры (*Ibid.*, p. 332).

по возведению храмов в Мистре и превращение их в монастыри воздал хвалу патриарх-исихаст Филофей Роккинос⁹¹.

Если владение колоссальными земельными угодьями, недвижимым имуществом, многочисленным зависимым крестьянским населением, доходами в виде феодальной ренты и чисто церковными доходами составляло основу экономического могущества духовенства Мистры и в первую очередь черного духовенства, монашества, то исихазм явился идеей, санкционировавшей самостоятельность монастырей по отношению к светской власти. В источниках нет прямых свидетельств об участии монашеских элементов в рассмотренных нами событиях, но вряд ли можно сомневаться, что за спиной архиепископа скрывался многочисленный и сильный отряд монахов-калогеров, которые определяли политическую атмосферу в городе и настроение населения. После победы исихазма, когда епископские и митрополичьи кафедры, да и сам патриарший престол заняли монахи, влияние монашеского элемента в церкви резко усилилось.

События 1402 г. показали, что судьбы Мистры решались не в блестящем и внушительном дворце деспота, а в монастырских кварталах города. Население Мистры, находившееся под безраздельным влиянием монашества, было подготовлено к отрицанию всяких связей с латинянами и, как нам кажется, к принятию в конце концов турок. Этим объясняется тот факт, что пройдет немного времени — и в 1460 г. Мистра без всякого сопротивления откроет свои ворота туркам.

⁹¹ ММ, I, p. 473.